

TV-SCREEN IMAGE AND PECULIARITIES OF PERSONALITY IN ANCHORMEN

L. V. Matveeva*, T. Ya. Anikeeva **, Yu. V. Mochalova ***

** Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., department of psychology, MSU, Moscow*

*** Psychologist, Moscow*

**** Post-graduate of the department of psychology, MSU, Moscow*

The role of personality factor in the structure of communication act in mediation conditions was revealed in multidisciplinary study. The peculiarities of personality in TV anchormen working actually during air time were analyzed by psychodiagnostics techniques. The specific type of personality revealed in TV anchormen as the partners of TV communication was described. The personality characteristics, peculiarities of self-regulation and the structure of self-relation were considered in detail. There were compared the peculiarities of personality, one of the forms of verbal self-presentation of "Self"-concept and one in four attitudes of self-consciousness.

Key words: act of communication in conditions of mediation, peculiarities of personality in TV anchormen, active subject of TV communication.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ МЕТОДОМ ТАНЦЕВАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОГО ТРЕНИНГА

© 1999 г. В. А. Лабунская*, Т. А. Шкурко**

* Доктор психол. наук, профессор каф. социальной психологии
и психологии личности ф-та психологии РГУ, Ростов-на-Дону

** Канд. психол. наук, ст. преподаватель, там же

В контексте психологии выражения личности рассматриваются экспрессивные компоненты внешнего «Я», особенности его формирования. Приводятся сведения о взаимосвязи между танцем и экспрессией личности. В целях рассмотрения проблемы развития выражения и самовыражения личности подчеркивается необходимость интеграции подходов, сформировавшихся в психологии выражения и социально ориентированной экспрессивной, танцевальной психотерапии.

На основе интеграции идей психологии выражения, танцевальной психотерапии, ряда положений социально-психологического тренинга и развиваемого авторами подхода к экспрессии личности создана программа танцевально-экспрессивного тренинга как самостоятельного метода, направленного на развитие внешнего «Я», его динамических экспрессивных компонентов, а также самовыражения и предъявления себя в определенном социально-психологическом контексте.

Ключевые слова: экспрессивное «Я»; экспрессивно-танцевальный тренинг; экспрессивные, невербальные паттерны отношений; динамика экспрессивных структур отношений личности.

Прошло около 85 лет с момента появления работ С. Волконского [4, 5], в которых он наделяет выразительное поведение человека функцией «выявления внутреннего «я» путем внешнего «я» и определяет как «... самоизъявление, при том вечно изменяющееся»» [4, с. 16]. Данные работы по праву можно считать первыми отечественными исследованиями, в которых обсуждаются проблемы психологии выражения, самопредъявления, использования экспрессии в целях создания образа «Я». Но несмотря на актуальность названных проблем, они не получили должного развития в исследованиях последнего времени. Характерным для этой ветви психологии является то, что, с точки зрения многих психологов-теоретиков, она существует как бы для узкого круга «любителей художественной, искусствоведческой, гуманитарной, полунаучной психологии».

В рамках практической психологии, наоборот, интерес к экспрессии как средству выражения личности с каждым днем возрастает. Экспрессивные компоненты внешнего «Я» привлекают внимание специалистов, занимающихся психодиагностикой, психотерапией, социально-психологическим тренингом, рекламой, политической психологией и т.д. Поэтому в ближайшее время можно ожидать появления работ, в которых будут ставиться задачи, связанные с объединением таких понятий, как выражение или самовыражение, проявление, предъявление, демонстрация. Будут также подниматься вопросы интеграции широкого круга подходов, данных, полученных в

различных областях психологии (например, в процессе изучения ролевого поведения личности и способов его предъявления), или в работах, направленных на поиск экспрессивных компонентов различных эмоций, отношений, качеств личности, или в исследованиях, нацеленных на рассмотрение связей между динамикой групповых процессов и самопредъявлением личности. Некоторые из названных аспектов проблемы выражения личности представлены в отечественной психологии [1]. Но их разработка ведется в направлении изучения вербальных форм выражения, предъявления, самоопределения личности.

Пренебрежительное отношение к экспрессивным, невербальным средствам выражения и самовыражения складывается прежде всего потому, что психологическую суть экспрессивного невербального поведения сложно как опровергнуть, так и подтвердить. Человек несет ответственность за сказанное слово, но не за свое невербальное поведение, которое не имеет безусловных формальных характеристик и остается как бы «неуловимым» и для субъекта, и для партнера [17, 19, 34, 39].

Несмотря на «неуловимый» характер экспрессии, интерес западных исследователей к ней не ослабевает, а в последнее время возрастает в связи с отходом от рациональных моделей объяснения социального поведения человека [34]. Появился спрос на психологию выражения, которая, являясь одной из самых старых ветвей психологической науки, переживает ренессанс. Она пред-

стает в различных работах в новом обличье: как психология 1) невербального поведения, 2) среды, 3) самовыражения и самопредъявления или как дисциплина, интегрирующая все направления психологии, пытающиеся найти пути проникновения во внутренний мир личности.

Первой и очень серьезной заявкой на то, чтобы представить западноевропейскую психологию выражения, является объемистый труд под названием "Ausdruckspsychologie" [30]. Как следует из него, предмет психологии выражения – это закономерности выявления на основе внешне наблюдаемых признаков сущностной природы личности; изучение выражения как целостно-динамического явления, в котором представлены индивидуальные особенности человека, его актуальные состояния, отношения, уровень притязаний, ценностные ориентации, стиль жизни и т.д. В такой трактовке "выражение личности" охватывает широкий круг явлений и становится в один ряд с такими понятиями, как манера, стиль личности. Они фиксируют нечто стабильное, сущностное, отличающее одного человека от другого (движения лица, которые постоянно сопровождают различную мимику, например напряженность, недовольное движение губ), позы, темп движений, их направленность, изобилие, угловатость или пластичность, вид смеха или улыбки, испуг, склонность к определенным реакциям на событие (например, к суровому взгляду), манеру держаться и т.д. Но такое толкование понятия "выражение личности" не единственное.

С нашей точки зрения, более правомерно говорить о нескольких трактовках этого понятия.

1. О толковании в широком смысле выражения, ставящего его в один ряд с такими понятиями, как отражение. В этом случае субъект выражения – это все его "максимальное бытие", представленное во всех внешних проявлениях.

2. О толковании в узком смысле выражения как категории, охватывающей персональное, личностное бытие. Субъект выражения – это несколько устойчивых черт, стиль, манера.

3. О выражении как однотипном проявлении какого-то чувства или отношения, состояния.

4. О выражении как динамическом явлении, соответствующем конкретным состояниям, отношениям личности.

В результате широкого и узкого толкований понятия "выражение личности" произошло вероятное увеличение спектра тех средств, с помощью которых содержание, подлежащее выражению, может быть обнаружено. В этот класс, позволяющий выявлять сущность личности, ее своеобразие, попадают: мимика, жесты, почерк, рисунок, одежда, форма тела, стиль речи, окружающая среда и т.д. В зависимости от того, как трактуется понятие "выражение", определяется

набор изучаемых средств, в соответствии с которым формируются направления психологии выражения.

В нашей работе под внешним экспрессивным "Я" понимается совокупность устойчивых (физиогномика, индивидуально-конституциональные характеристики человека), среднеустойчивых (оформление внешности: прическа, косметика, украшения, одежда) и динамических параметров выражения (экспрессивное, невербальное поведение), организующихся в пространственно-временные структуры и перестраивающихся по ходу развития психофизиологических, психологических и социально-психологических компонентов структуры личности. С этих позиций экспрессия как внешнее "Я", связанное с устойчивыми и динамическими подструктурами личности, может обсуждаться в качестве: 1) выразительных компонентов общей психомоторной активности личности, сопряженной с ее темпераментом (темп, амплитуда, интенсивность, гармоничность движений); 2) экспрессивной структуры актуальных психических состояний личности; 3) выражения модальности, знака отношения одного человека к другому; 4) средства выражения свойств личности; 5) показателя развития личности, выступающей субъектом общения (экспрессивные программы вступления в контакт, поддержания и выхода из него); 6) экспрессивных компонентов социального статуса личности; 7) средства выражения личностью ее тождества с определенной группой, общностью, культурой; 8) "экспрессивных масок"; 9) средства демонстрации и создания социально приемлемых форм поведения; 10) показателя личностных способов разрядки, облегчения в стрессогенных ситуациях. Наряду с этими направлениями исследования личность может быть изучена с точки зрения использования ею экспрессивного репертуара (как его статических, так и динамических компонентов) для поддержания оптимального уровня близости с партнером; изменения взаимоотношений в общении; придания определенной формы взаимодействию с другими (от конфликта до согласия); осуществления социальной стратификации.

Многогранное исследование проблемы выражения личности предполагает также рассмотрение взаимосвязей между ее речевым и экспрессивным поведением (соответствие, гармоничность и т.д.). В этом плане можно говорить о возможностях использования личностью своего экспрессивного репертуара в целях уточнения, изменения эмоциональной насыщенности сказанного и усиления выразительности речевого сообщения.

В данной работе акцент сделан на анализе динамических компонентов экспрессии, представленных в различных структурах невербального

поведения (кинестической, такесической, просодической и ольфакторной), а именно: жестов, мимики, взгляда, поз, интонационно-ритмических характеристик голоса, прикосновений, запахов, которые сопряжены с изменяющимися психическими состояниями человека, его отношениями и взаимоотношениями [16, 35]. В своем исследовании мы предприняли попытку создать на основе развиваемого подхода к проблеме “выражение личности” инструмент познания внешнего экспрессивного “Я”, его развития, который соответствовал природе, функциям экспрессии, специфике ее связей с динамическими структурами, позволял актуализировать спонтанность выражения и самовыражения, затрагивал глубинные проблемы личности и давал ей возможность видеть их сквозь призму своего экспрессивного репертуара. В качестве такого инструмента мы разработали танцевально-экспрессивную программу развития личности как субъекта выражения своих состояний и отношений.

В основе созданной программы лежит ряд положений, касающихся проблемы кодирования и интерпретации экспрессии [17], групповых форм коррекции личности и применения экспрессивных способов воздействия на нее [13, 20, 21], а также пропагандируемый нами взгляд на танец как на экспрессивную модель выражения личности, включенной в определенный социально-психологический контекст. Наряду с этими положениями были внедрены идеи, связанные с формированием экспрессивного “Я”, представляющие самостоятельный интерес и в то же время объединяющие подходы разных областей психологии, которые занимаются исследованием проблемы развития личности как субъекта выражения. Рассмотрим более подробно эти положения.

Начнем с того, что тезис о динамической взаимосвязи выразительного поведения и эмоциональных состояний человека был сформулирован еще С.Л. Рубинштейном. Анализируя природу и функции экспрессивных компонентов эмоциональных состояний, он пришел к выводу о том, что выразительное поведение — не просто внешнее сопровождение психических процессов, а форма их проявления и существования, это “воочию представленное и осязаемое данное” [24, с. 152–163]. Одновременно известно, что экспрессивное поведение личности частично представлено самому субъекту (особенно в визуальных образах). По мнению М.М. Бахтина [2], субъект взаимодействия не видит напряжения своих мышц, всей пластики поз, экспрессии лица и т.д. Но партнер, как следует из практики общения, отражает экспрессию другого с помощью оптической, тактильно-кинестетической, акустической, ольфакторной систем, взаимодействие которых способствует возникновению многозначных связей между

экспрессивным поведением и психологическими характеристиками личности (см. [16, 35]).

Казалось бы, данное ограничение легко снять с помощью зеркала как одного из инструментов познания своего экспрессивного поведения и внешности или же привлекая для этих целей множество его модификаций: фотографию, видеозапись, живописный портрет, пародию, в конце концов другого человека, группу лиц. (“Отзеркаливание” — один из самых распространенных приемов в тренинговых группах: “смотришь, как в зеркало, в другого человека”). Все они дают представление о том, как выглядит внешнее “Я”. Однако М.М. Бахтин отмечал, что смотрение на себя в зеркало (в разных его вариантах) “не может стать непосредственным моментом нашего видения и переживания мира; мы видим отражение своей наружности, но не себя в своей наружности...” [6, с. 31]. Поэтому любой акт смотрения на себя в “зеркало” сопровождается актом рефлексии, что неизбежно возвращает к мысли о личном, пристрастном, избирательном отношении к увиденному, т.е. к внешности, экспрессии, невербальному поведению в целом. Возникшие “зеркальные образы” воспринимаются личностью как представления внешности, ее внешнее экспрессивное “Я”, которое видят другие, но которое не совпадает полностью с тем, что действительно чувствует и переживает человек. “...Зеркало осуществляет по заданию каждого из нас дифференциацию внутреннего и внешнего... получая в результате дихотомию: я — и не я” [там же, с. 14–15]. Исходя из этих фактов, функции “зеркал” не ограничиваются фиксацией внешности, они вбирают также реакцию на увиденное и тем самым придают дополнительный штрих к портрету. Созданный образ порождает новую гамму невербальных выразительных движений, что делает процесс формирования внешнего “Я” бесконечным, незавершенным и во многом спонтанным.

Социально-психологические функции внешнего “Я”, его представленность другому и отсутствие непосредственного видения экспрессивного репертуара приводит к появлению многих феноменов, интересных для психологии выражения, самопредъявления и т.д. В обыденной жизни, в процессе социально-психологического тренинга, социально ориентированной психотерапии эти феномены начинают раскрываться тогда, когда внешность, экспрессия человека оказывают сильнейшее влияние на его жизнь, судьбу, оценку другими, на всю систему отношений, профессиональные и личные достижения (возрастные кризисные периоды жизни, карьера, любовь и т.д.).

Следует отметить, что выраженность экспрессии для других и отсутствие ее непосредственной представленности для себя лежат в основе фор-

мирования двух типов личностей. *Первый* – это человек, научившийся жить без внешности (художественный образ “человек-невидимка”), *второй* – человек, зачарованный собственной внешностью и экспрессией (например, мифологический герой Нарцисс) [там же]. Можно сказать, что эти два типа субъектов есть проявление крайних форм не только отношения к различным “зеркалам”, но и к себе, своей внешности, к идее самопредъявления и самовыражения, формирования собственного образа для других, к мысли о том, что мы “воочию представлены”, что экспрессия – это язык нашей души, самовыражения и самопредъявления.

Отсутствие непосредственной представленности экспрессии самому себе не означает, что человек не зафиксировал факт высоких диагностических возможностей ее элементов (взгляд, позы, мимику и т.д.). Несмотря на явное преобладание в структуре экспрессии малоосознаваемых невербальных паттернов поведения, субъект использует выразительные движения не только в соответствии с их главной функцией выражать, но и в целях маскировки его действительных переживаний и отношений. Без таких целенаправленно применяемых “экспрессивных масок” трудно представить процесс социализации и вхождения личности в культуру. Социокультурная разработка этих “масок” осуществляется, как правило, для отбора совокупности движений, делающих поведение человека социально приемлемым, успешным, привлекательным. Вместе с этим следует отметить также и то, что “окультуривание телесности – превращение природных предпосылок человеческого существования в универсальные орудия и знаки... превращение в своеобразный текст, сгусток социальной памяти” [26, с. 44] не есть единственная функция данного процесса. “Окультуривание экспрессии” является одним из механизмов контроля не столько над телом человека, сколько над его личностью. С точки зрения одного из известных исследователей невербальных коммуникаций А. Шефлена [40], любой элемент экспрессии (от позы до контакта глаз) существует для того, чтобы установить, сохранить, ограничить отношения между взаимодействующими людьми. Поэтому заинтересованные общественные институты ведут не просто разработку требований к экспрессивному поведению человека, а осуществляют с его помощью трансляцию социально желаемого спектра черт, состояний, отношений, которые должны иметь четкое внешнее выражение и благодаря этому легко диагностироваться окружающими. Перечень этих черт может меняться в исторические эпохи и быть различным для разных социальных групп. Например, на протяжении долгого времени “настоящим” считался человек, имеющий простое лицо с крупными чертами, большие руки, широкие пле-

чи, массивную фигуру, белозубую улыбку, прямой взгляд, четкий жест и т.д. и отличающийся действенностью, упорством, стойкостью, мужеством. Все те, кто в силу природных обстоятельств или условий воспитания не соответствовал этой поведенческой модели, рисковали прослыть “гнилыми интеллигентами”. Описание различных “экспрессивных масок” можно найти в книгах по культуре поведения, в “наставлениях” по актерскому мастерству и трактатах о живописи. Анализ такого рода работ показывает, что предлагаемая экспрессивная модель соответствует социальным ожиданиям, выполняя идеологические запросы времени и нравственно-этические требования к личности. Всем известно, что скромный человек “должен иметь склоненную голову и опущенные глаза”. Благодаря социальной функции экспрессия человека влияет на формирование его аффективных реакций, на развитие у него умения нейтрализовать социально неприемлемые способы поведения (например, агрессию). Возраст же, пол, профессия определяют характерные черты его экспрессии [35].

Таким образом, выражение личности, формирование ее экспрессивного “Я” из проблемы сугубо психологической превращается в социокультурную, общественную, а ее решение затрагивает интересы не только психологии, но и многих социальных и политических институтов.

Существующие процедуры, приемы социально-психологического тренинга, социально ориентированной психотерапии не всегда базируются на рассмотренных нами характеристиках экспрессии как средства выражения личности. Этим идеям социальная психология уделяет недостаточное внимание, а к различным невербальным методам коррекции личности и группы довольно часто относится как к вспомогательным. Исключением является работа Е.В. Кузнецовой [13], посвященная проблеме развития личности как субъекта невербальных коммуникаций.

Наиболее значимы с точки зрения развиваемого нами подхода работы, представленные в рубрике “Экспрессивная психотерапия”, так как в ней широко используются все средства, описанные в психологии выражения личности. Но особое место среди них занимают исследования, посвященные танцевальной психотерапии [31–33, 36, 37]. Как следует из работ по теории и истории развития танца: от первобытного до современного, от группового до диадного и индивидуального, от непрофессионального до профессионального [8, 11, 12, 14, 18, 22], танец необходимо рассматривать как социокультурное явление, социально-психологический феномен, личностное образование, некое психофизиологическое действие, сексуальный ритуал и т.д. В основе нашей программы лежит прежде всего представление о танце

как феномене, возникающем на пересечении социокультурных, социально-психологических и личностных координат. Именно в этом плане мы рассматриваем танец как средство выражения и самовыражения личности. Данный подход правомерен потому, что на протяжении тысячелетий танец отвечает спектру социальных потребностей человека и общества. В нем находят свое выражение "особо значимые психопластические интонации общества, отражаются социальные мотивы" [11, с. 16].

Для отечественной психологии более традиционным является использование танца в качестве средства улучшения, оптимизации эмоционального состояния, стимулирования творческой активности, снятия психического напряжения [20, 23]. В то же время в современной танцевальной психотерапии происходит перенос акцента с этих функций танца на использование его как средства установления, поддержания, коррекции межличностных отношений, самовыражения, познания себя и других. Перестановка акцентов в различных направлениях танцевальной психотерапии привела к расширению круга ее целей. Для нас представляют интерес те из них, которые касаются развития личности, системы ее отношений, проблемы самовыражения и самоактуализации, стимуляции творческого потенциала, становления более индивидуализированного самовосприятия и самоотношения.

Сравнительный анализ танца и экспрессии по ряду критериев (время и источник возникновения, детерминанты формирования, основные свойства, виды, функции, структура и схемы) показал, что танец выступает интегральной моделью динамических компонентов экспрессивного поведения человека. Он представляет динамическую структуру личности и включает те же элементы, что и экспрессия (жесты, мимику, взгляд, позу, интонационно-ритмические характеристики голоса, прикосновения, запахи), сопряжен с состояниями, отношениями личности.

Положения о связи между танцем и экспрессией как способом выражения личности стали оправданными при разработке программы танцевально-экспрессивного тренинга, его целей и задач. Главная цель создаваемого нами танцевально-экспрессивного тренинга в контексте психологии выражения личности и формирования ее экспрессивного "Я" — это изменение экспрессивных компонентов различных подструктур личности в соответствии с ее развитием, расширение экспрессивного репертуара и форм презентации, предъявления себя и т.д.

Наиболее распространенными приемами развития самовыражения, экспрессивного репертуара в танцевальной психотерапии являются "кинестетическая эмпатия", т.е. эмпатическое приня-

тие партнера посредством "отзеркаливания" его движений; экспериментирование с различными элементами экспрессии и прикосновением; работа с "мышечным панцирем", в том числе с мышечными зажимами экспрессивных движений; целенаправленный выбор темы танцевальных упражнений, способствующих раскрытию символических функций экспрессии и позволяющих выразить через танец всеобщие, универсальные темы и понятия: "добро" и "зло", "счастье", "любовь" и т.д. [18]; организация различных видов обратной связи от "подстрочного комментария" к движению до метафорической и психоаналитической интерпретации танцевального движения, взаимодействия [32, 36, 38] и др. Перечисленные приемы танцевальной психотерапии используются во многих видах социально ориентированной психотерапии и социально-психологическом тренинге, что стало основой для включения их в программу разрабатываемого нами танцевально-экспрессивного тренинга.

Анализ различных методических приемов танцевальной психотерапии показывает, что они ориентированы на актуализацию спонтанных компонентов экспрессии, на то, что любой танец обращен к другому человеку. Больше всего нацелен на спонтанное самовыражение и выражение отношений личности к другим так называемый неструктурированный танец (индивидуальный, диадный, групповой). Но выполнение им своих функций во многом зависит от того, насколько успешно применяется "круговой" групповой танец, снижающий сопротивление, тревожность, что должно привести к возникновению доверия и наиболее полному самовыражению [32]. Целенаправленный выбор музыки (как психотерапевтом, так и самими участниками) также способствует свободной импровизации в самовыражении и выражении отношений в межличностном взаимодействии [31, 32, 38, 41]. Использование неструктурированного индивидуального, диадного, группового танца ("кругового", "тематического" и "символического") является характерной чертой создаваемого нами танцевально-экспрессивного тренинга. Данная программа с подробным описанием каждого упражнения, его целей и схем анализа приведена в работе [28].

В настоящей статье мы остановимся на обсуждении некоторых результатов применения программы танцевально-экспрессивного тренинга в целях развития личности как субъекта выражения себя, как сложившейся системы отношений и активного участника их изменений и экспрессивных компонентов.

Особая роль в структуре отношений личности принадлежит субъективным отношениям, которые проявляются в экспрессивных формах обращения людей друг к другу и маскируются с их же

помощью. Успешность целенаправленного воздействия экспрессивных компонентов отношений на ситуацию общения ограничена тем, что в экспрессивную поведенческую модель структуры отношений личности наряду с интенциональными, осознаваемыми, конвенциональными движениями входят неинтенциональные, неосознаваемые, неконвенциональные. Если считать, что все элементы экспрессивного поведения в качестве динамического ядра внешнего "Я" могут быть расположены на таких шкалах, как "Степень дискретности-континуальности"; "Степень произвольности-непроизвольности"; "Степень осознанности-неосознанности невербального поведения"; "Степень целенаправленности-нецеленаправленности"; "Степень интенциональности-непреднамеренности"; "Степень определенности-неопределенности"; "Степень абстрактности-конкретности"; "Степень устойчивости-вариабельности"; "Степень однозначности-многозначности"; "Линейность-пространственно-временная целостность", то соотношение крайних позиций на каждой из шкал дает две абстрактные экспрессивные модели. Между ними располагается все многообразие форм и паттернов выразительного поведения личности, которые представляют собой совокупность движений, отличающихся сочетанием вышеперечисленных параметров. Поэтому структура выражения отношений личности может быть описана и проанализирована с точки зрения соотношения в ней движений определенного вида.

Кроме названных параметров экспрессии, участвующих в формировании выражения отношений, важными являются также характеристики, лежащие в основе целостной оценки экспрессивного репертуара личности: интенсивность, динамичность, симметрия-асимметрия, гармония-дисгармония, типичность-индивидуальность. Разнообразие элементов экспрессии, быстрота их смены, гармоничность, индивидуальность, соответствие ситуации общения, доступность для отражения партнером свидетельствуют о наличии у субъекта невербальной экспрессивной одаренности, возможности передавать свои психологические особенности, состояния и отношения. Неопределенный, однообразный репертуар, беспорядочные, судорожные движения говорят не только о том, что человек не владеет "экспрессивным языком души", но и о наличии у него внутренних конфликтов.

Рассмотренные нами параметры экспрессии были применены для анализа экспрессивного поведения участников тренинговых групп, а их динамика прослеживалась на фоне изменений, происходящих в структуре внешнего "Я". Кроме того, применялись схемы анализа индивидуального, диадного и группового танца, разработанные в психологии невербального поведения (схемы

структуры индивидуального невербального поведения и невербальной интеракции приведены в работе [16]). В этой связи различные виды танцев рассматривались как кинесико-такесико-проксемические паттерны взаимодействия и презентация базовых, фундаментальных типов отношений (симпатия-антипатия, уважение-неуважение, близость-отдаленность), что нашло отражение в схемах их анализа [15, 27].

В выполненном нами исследовании основное внимание уделялось изучению динамики формально-содержательных параметров отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга. Под *динамикой отношений* мы понимали изменение во времени их основных параметров, к которым были отнесены такие формально-содержательные характеристики, как интенсивность, знак, модальность, их дифференцированность и взаимность. Мы рассматривали отношения личности к себе, другому и группе как их виды, которые изучались в рамках шкалы "Осознаваемые и неосознаваемые отношения". Такой подход соответствовал нашим представлениям об экспрессивных компонентах внешнего "Я", предъявляющего партнеру целостный мир отношений личности.

Диагностика сложившейся системы отношений личности определялась с помощью методики исследования осознаваемых отношений человека к каждому члену группы и к самому себе, разработанной нами на основе классификации видов отношений В.В. Столина [25]. Для того чтобы снять вербальные ограничения на пути целостного изучения отношений, в работе был применен модифицированный нами рисуночный тест "Я и группа", а также цветовой тест отношений, направленный на диагностику неосознаваемых отношений к другому и себе.

Объектом исследования стали участники групп танцевально-экспрессивного тренинга. В выборку вошли реально существующие 4 пилотажные и 4 экспериментальные группы (всего 91 чел., 71 женщина, 20 мужчин, в возрасте от 14 до 47 лет). В пилотажных группах апробировалась программа танцевально-экспрессивного тренинга (продолжительность тренинга и каждого занятия, комплекс упражнений и очередность их применения в соответствии с целями тренинга, схемы анализа каждого упражнения, музыкальное сопровождение) и диагностический инструментарий.

Методика исследования отношений человека к каждому члену группы и самому себе, цветовой тест отношений использовались 5 раз: до начала тренинга (на предварительной встрече), после него и на каждом втором занятии. Рисуночный тест "Я и группа" применялся до начала тренинга, в середине и после него. Таким образом, был осуществлен микроролонгитюдный анализ динамики от-

ношений и их выражения в группе танцевально-экспрессивного тренинга. Степень достоверности изменений системы отношений личности и ее выражения определялась с помощью двухфакторного дисперсионного анализа Фридмана, метода знаковых рангов Уилкоксона, а также корреляционного и факторного анализов.

Получены данные, которые в полном объеме приведены в работе [29]. Результаты исследования свидетельствуют, *во-первых*, о том, что в процессе танцевально-экспрессивного тренинга отношений личности их формально-содержательные параметры изменяются гетерохронно; это влечет за собой различия в динамике формирования экспрессивных компонентов таких отношений. *Во-вторых*, ведущими тенденциями изменений различных видов отношений являются: увеличение интенсивности выражения отношений к себе и другому; снижение взаимности осознаваемых отношений и их экспрессивных компонентов. *В-третьих*, динамика различных видов отношений имеет следующие профили: "скачкообразный", "поступательный", "Пи-образный", "U-образный"; им соответствуют изменения в интенсивности, гармоничности экспрессии на разных этапах танцевально-экспрессивного тренинга.

Получены также сведения о том, что индивидуальная и групповая динамика различных видов отношений опосредствована социально-психологическими характеристиками субъектов выражения отношений. Личность с динамической системой отношений имеет позитивный социально-психологический статус в группе. Ей свойственны общительность, чувствительность и стремление к другим людям; у нее ярко выражена потребность в установлении близких отношений, в контроле других и себя, в принадлежности к различным социальным группам. Эти сведения подтверждают еще раз вывод о том, что экспрессия как средство выражения неотделима от личности в целом, экспрессивные же компоненты отношений и их изменения сопряжены не только с динамической, но и с относительно статическими структурами личности.

В целом, первые результаты применения разработанного нами танцевально-экспрессивного тренинга подтверждают его адекватность целям развития экспрессивного "Я", которое достигается благодаря осознанию паттернов танцевально-экспрессивного репертуара, связанного с определенными отношениями и взаимоотношениями в группе, за счет раскрытия потенциалов своего экспрессивного репертуара, а также повышения спонтанности выражения и самовыражения.

Таким образом, интеграция идей психологии выражения, танцевальной психотерапии, ряда положений социально-психологического тренинга и развиваемого нами подхода к экспрессии лично-

сти привела к созданию программы танцевально-экспрессивного тренинга как самостоятельного метода, направленного на развитие внешнего "Я", его динамических экспрессивных компонентов, самовыражения и предъявления себя в определенном социально-психологическом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амяга Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность, общение, групповые процессы. М., 1991. С. 37–74.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Блок Л.Д. Классический танец. История и современность. М., 1987.
4. Волконский С. Человек на сцене. СПб., 1912.
5. Волконский С. Выразительный человек. СПб., 1913.
6. Вулис А.З. Литературные зеркала. М., 1991.
7. Даркевич В.П. Празднества средневековья // Атеистические чтения. М., 1990. Вып. 19. С. 57–73.
8. Дункан А. Танец будущего. Моя жизнь. Киев, 1994.
9. Зинченко В.П. Проблемы психологического развития (читая О. Мандельштама) // Вопр. психологии. 1991. № 5. С. 18–28.
10. Кандинский В. О духовном в искусстве. М., 1992.
11. Королева Э.А. Ранние формы танца. Кишинев, 1977.
12. Королева Э.А. Танец, его происхождение и методы исследования (по работам зарубежных ученых XX века) // Советская этнография. 1975. № 5. С. 147–155.
13. Кузнецова Е.В. Развитие межличностных невербальных коммуникаций средствами социально-психологического тренинга: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
14. Куракина С.Н. Феномен танца (социально-философский и культурологический анализ): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 1994.
15. Лабунская В.А. Невербальные паттерны ролевого поведения // Психологический вестник РГУ. 1997. Вып. 2. С. 467–486.
16. Лабунская В.А. Введение в психологию невербального поведения (методические указания). Ростов-на-Дону, 1994.
17. Лабунская В.А. Проблема обучения кодированию-интерпретации невербального поведения // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 5. С. 84–94.
18. Луговая Е.К. О невербальной форме общения в культуре. Танец как язык и миф // Вестник МГУ. 1991. Серия 6. № 3. С. 54–57.
19. Мартинес Э.Л. Внесловесный язык // Культура. 1986. № 2. С. 12–26.
20. Некрасова Ю.Б. Особенности диагностики при реабилитации людей с нарушением речевого общения // Вопр. психологии. 1991. № 5. С. 123–129.
21. Петровская Л.А. Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1985.

22. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1958. Т. 5.
23. Руднева С.Д., Пасынкова А.В. Опыт работы по развитию эстетической активности методом музыкального движения // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 3. С. 84–92.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.
25. Столин В.В., Голосова Н.И. Факторная структура эмоционального отношения человека к человеку // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 2. С. 62–67.
26. Тищенко П. Дано мне тело... // Человек. 1990. № 3. С. 41–49.
27. Шкурко Т.А. Танец как особая форма экспрессивного поведения личности // Психологический вестник РГУ. 1997. Вып. 2. С. 501–511.
28. Шкурко Т.А. Танец как средство диагностики и коррекции отношений в группе // Психологический вестник РГУ. 1996. Вып. 1. Ч. 1. С. 327–348.
29. Шкурко Т.А. Динамика отношений личности в процессе танцевально-экспрессивного тренинга: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 1997.
30. Ausdruckpsychologie // Handbuch der Psychologie in 12 Bänder. Berlin, 1965. Bd. 5.
31. Berger M. Psychological Investigation on Human Structural Dance // Dynamic Psychol. 1988. № 108/109. P. 128–157.
32. Dance Movement Therapy: Theory and Practice. L.–N.Y.: Routledge, 1992.
33. Freundlich B., Pike L., Schwartz V. Dance and music for children with autism // J. of Physical Education, Recreation and Dance. 1989. V. 60. P. 50–53.
34. Laban R. The Mastery of Movement. L.: Macdonald and Evans, 1960.
35. Leathers D. Successful Nonverbal Communication: Principles and Applications. Univ. of Georgia, 1997.
36. Lefco H. Dance Therapy. Chicago: Nelson-Hall, 1966.
37. Levy F. The evolution of modern dance therapy // J. of Physical Education, Recreation and Dance. 1988. V. 59. P. 34–41.
38. Meekums B. The love bugs: dance movement therapy in a Family Service Unit // Dance Movement Therapy: Theory and Practice. L.–N.Y.: Routledge, 1992. P. 18–38.
39. Nonverbal behavior: research, perspectives, applications, intercultural insights. Toronto, 1984.
40. Schefflen A.E. Body Language and Social Order: Communication as Behavioral Control. N.Y., 1972.
41. Silk G. Creative movement for people who are developmentally disabled // J. of Physical Education, Recreation and Dance. 1989. V. 60. P. 56–58.

THE DEVELOPMENT OF PERSONALITY WITH THE TECHNIQUE OF DANCING-EXPRESSIVE TRAINING

V. A. Labunskaya*, T. A. Shkurko**

* Dr. sci. (psychology), professor, chair of social psychology and psychology of personality.
Department of psychology, RSU, Rostov-on-Don

** Cand. Sci. (psychology), sen. lecturer of the same university

The expressive components of external Ego-image of personality and the peculiarities of Ego development are considered. The relation between the dance performance and expression of personality is confirmed. The integration of some approaches in psychology of expression and dancing psychotherapy oriented on social problems is considered as necessity for the development of the problem of expression and self-expression.

The program of dancing-expressive training as the original technique used for the development of the external Ego, its dynamic expressive components and the self-expression in a whole as well the self-monitoring in concrete social-psychological context, was made on the base of such integration.

Key words: expressive Ego, expressive-dancing training, expressive non-verbal patterns of relations, dynamics of expressive structures of personality relations.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

ЗАВИСИМОСТЬ ТИПА ПРИВЯЗАННОСТИ РЕБЕНКА КО ВЗРОСЛОМУ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (В СЕМЬЕ И ДОМЕ РЕБЕНКА)

© 1999 г. Н. Н. Авдеева*, Н. А. Хаймовская**

* Канд. психол. наук, зав. сектором Института человека РАН, Москва

** Психолог учебно-производственного комбината "Хамовники", Москва

Рассматривается зависимость типа привязанности младенца второго полугодия первого года жизни к близкому взрослому (матери, воспитателю) от характера взаимодействия ребенка со взрослым в семье и Доме ребенка. Показано, что факторами, влияющими на формирование надежной привязанности, являются высокий уровень активности ребенка в общении и взаимодействии с близким взрослым, умение взрослого "подстроиться" к ребенку при контакте взглядов, синхронизации действий, общении типа диалога, поддерживать инициативу ребенка при взаимодействии в различные режимные моменты.

Ключевые слова: привязанность, взаимодействие, активность, инициатива, проведение режимных моментов, общение, семья, Дом ребенка, надежная-ненадежная привязанность.

Проблема формирования и развития привязанностей у детей раннего возраста в последние десятилетия интенсивно изучается в зарубежной психологии [3, 5, 6, 8, 11]. Проведены исследования, направленные на выявление роли раннего опыта, биологических и социальных детерминант становления привязанностей в раннем онтогенезе, их влияния на психическое развитие, формирование личности и характера ребенка в более поздних возрастах [5, 10, 12]. Было показано, что у младенцев старше 6 месяцев начинает проявляться привязанность к определенным людям. Обычно первым объектом привязанности является мать. Признаки привязанности заключаются в том, что ее объект может лучше других успокоить и утешить; младенец чаще, чем к другим, обращается к нему за утешением; в присутствии объекта привязанности ребенок реже испытывает страх.

Привязанности не являются врожденными. Они зависят от чувствительности близких взрослых к потребностям ребенка [6, 7], социальных установок [5, 9], а также особенностей темперамента ребенка [5]. Чувство привязанности ребенка к матери достигает максимума между 12 и 18 месяцами и уменьшается к концу 2-го года жизни [8].

Наиболее популярно методикой оценки привязанности является изучение поведения ребенка в непривычной ситуации при разлуке с близким

взрослым. Эксперимент М. Эйнсворт, положенный в основу этой методики, состоит из семи трехминутных эпизодов, во время которых наблюдают младенца наедине с незнакомым взрослым, с матерью и незнакомым взрослым, в одиночестве. В качестве показателей привязанности младенца к матери используются степень огорчения ребенка после ухода матери и поведение ребенка после ее возвращения.

В результате было выделено три типа привязанности. К первому типу относятся дети, у которых сформировалась устойчивая, надежная привязанность к близкому человеку. Эти дети не очень сильно огорчались после ухода матери, тянулись к ней, когда она возвращалась, и легко успокаивались. Такие дети чувствуют себя преимущественно эмоционально комфортно, уверены в своей безопасности и спокойны.

Второй тип привязанности получил название аффективной, ненадежной привязанности. Дети с таким типом привязанности сильно огорчались после ухода матери, а когда она возвращалась, цеплялись за нее, но сразу же отталкивали. Такие дети часто настолько зависимы от своих родителей, что не позволяют им исчезнуть из поля зрения. Цепляющееся зависимое поведение является симптомом испытываемого ими чувства опасности. Дети с аффективной ненадежной привязанностью капризны, возбудимы, беспокойны, часто плачут.

Третий тип привязанности – ненадежная индифферентная привязанность. Дети с таким типом привязанности не возражали против ухода матери и продолжали безмятежно играть, не об-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-04496).